Данное обстоятельство позволило предположить, что и восприятие угрозы носит социальный характер. Однако при этом остаются недостаточно изученными механизмы социального познания угрозы, особенно если иметь в виду социологическое понимание сущности этих процессов. В отличие от психологии, которая изучает ментальные репрезентации социальной структуры, ее проявления в мыслях и действиях субъектов, социология уделяет внимание социальной детерминации форм знания, условиям его хранения и использования различными социальными группами, а также социальным институтам и социальной структуре производства знаний.

По нашему мнению, сформулированные проблемы обозначают важные направления дальнейшего теоретического и эмпирического изучения угрозы в социологии.

Список литературы

Кузнецов, В. Социология безопасности. – М., 2003.

Риск в социальном пространстве / под ред. А.В. Мозговой. – М., 2001.

Штомпка, П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001. – № 1.

Buzan, B., Weaver, O., Wilder J.de. Security: a New Framework for Analysis. – London, 1998.

Rasmussen, M. The Risk Society at War: Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century. – Cambridge, 2006.

© Смирнова А.Г., 2010

М.Я. Федотова

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УНИКАЛЬНОГО ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО РАЙОНА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ОКИ И КЛЯЗЬМЫ

ФЕДОТОВА Мария Яновна – ассистент кафедры музеологии исторического факультета Владимирского государственного университета (e-mail: fedotowa.marya2010@yandex.ru)

Аннотация. *Освещается проблема формирования в рамках единого государства уникального этноконфессионального района в центральной части*

России, района обитания населения в междуречье Оки и Клязьмы; возникновения здесь особых межэтнических и межконфессиональных отношений, направленных на взаимопонимание и взаимопроникновение этноконфессиональных общностей русских православных, касимовских татар мусульман и русских раскольников.

Ключевые слова: *этноконфессиональный район, этноконфессиональный состав населения, природно-географическое положение, исторические условия.*

Обращение к изучению этноконфессиональных отношений в России, которая является полиэтничным и поликонфессиональным государством, закономерно. Однако до недавних пор эти вопросы рассматривались на примере Нижнего Поволжья, некоторых областей Сибири, Карелии. Центральная часть России оставалась неизученной. Следовательно, актуальность темы исследования обусловлена не только значимостью этноконфессиональной проблемы, но и недостаточной разработанностью ее на региональном уровне.

Район междуречья Оки и Клязьмы, входивший в XIX в. в состав Касимовского уезда Рязанской губернии и Меленковского уезда Владимирской губернии, расположенный в центральной части Российской империи, имел сложный этноконфессиональный состав населения[1].

Здесь, храня добрососедские отношения, жили русские и татары, православные, мусульмане и раскольники. В этническом плане Меленковский уезд Владимирской губернии был одним из самых коренных русских районов. По данным всеобщей переписи 1897 г., русское население составляло здесь 99,74%[2]. К великорусской нации принадлежало и подавляющее большинство населения Касимовского уезда Рязанской губерний – 96%[3]. Здесь же располагалась этническая группа татар, насчитывавшая 4%.

Конфессиональный состав населения был неоднороден. Большая часть русских исповедовала православие (292 175 человек). Вторую конфессиональную группу в Касимовском уезде представляли мусульмане-сунниты (более 4 тыс.), в Меленковском уезде – русские раскольники (более 8 тыс.)[4].

---

[1] ПСЗ-1. – Т. XX. – С. 741–742.

[2] См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – VI. – Тетрадь 1 и 2. – Владимирская губерния, 1904.

[3] См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба.– Т. 19. Рязанская губерния / сост. М. Баранович. – СПб., 1860. – С. 122.

[4] По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (1903, 1904), насчитывалось, в том числе в Касимовском уезде, 149 871 русских православных, а в Меленковском уезде – 142 304. См. также: Отчет о деятельности Братства святого благоверного великого князя Александра Невского за 1889–1890. – Владимир, 1891. – С. 12.

Вследствие сложного этноконфессионального состава населения рассматриваемую территорию можно отнести к полиэтничным и поликонфессиональным районам центральной части России.

Первыми поселенцами в междуречье Оки и Клязьмы были финно-угорские племена: мурома, мордва, черемисы и мещера[1]. В результате славянской колонизации в IX в. долина реки Оки, в том числе левобережная ее часть, была занята славянским племенем вятичей. Современная наука доказала, что колонизация данной территории носила мирный характер. Коренные жители постепенно ассимилировались с более «культурными» переселенцами-славянами. Облегчалось это тем, что вятичи дольше других восточнославянских племен сохраняли верность язычеству.

В памятнике XVI в. «Повести о водворении христианства в Муроме», составленном на основе древних местных преданий, рассказывается, что муромские жители-славяне пребывали в язычестве вплоть до прихода сюда князя Константина, крестившего их в озере Кстово в 1097 г. Крещение проходило медленно из-за того, что местное население не хотело отказываться от своих языческих верований. Окончательно христианство утвердилось на Муромских землях лишь в начале XII в.[2] К этому времени относится создание Муромо-Рязанского княжества, объединившего рассматриваемую территорию в административном плане и Муромо-Рязанской епархии – в религиозном[3]. Единое духовное пространство, существовавшее на протяжении пяти с половиной веков (Муромо-Рязанская епархия просуществовала с 1198 по 1763 гг.), стало одной из предпосылок, способствовавших сближению этносов.

История Муромо-Рязанского княжества оказалась не долгой, тем не менее особое влияние на своеобразие облика местного славянского населения оказали ближайшие и долго длившиеся его отношения с волжскими булгарами. Известно, что булгары находились в близких торговых связях с Муромом, а также с Рязанью, что не мешало им нередко вступать в военные столкновения[4]. Так, в 1087 г. Муром был взят булгарами, а спустя сто лет, в 1183 г. ими были разорены его окрестности, о чем сообщает В.Н. Татищев[5]. Через Волжскую Булгарию происходило проникновение ислама на территорию Окского района. В «Житие благоверного князя Константина» сообщается, что «Муром долго оставался без христиан-

---

[1] См.: Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / под ред. Б.А. Рыбакова. – М., 1987. – С. 92.

[2] См.: История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001. – С. 68.

[3] См.: *Пресняков, А.Е.* Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. – Петроград, 1918. – С . 223.

[4] См.: *Полубояринова, М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М., 1993. – С. 63.

[5] См.: *Татищев, В.Н.* История российская с самых древних времен. – М., 1774. – Кн. 3. – С. 248.

ского князя, и язычество в городе набирало все большую силу. Между тем соседи, булгары, исповедовавшие мусульманство, старались распространить свое влияние на Муром»[1]. Таким образом, знакомство местного населения с мусульманами произошло уже в XI–XII вв., еще до появления здесь касимовских татар. Сложное полиэтническое образование претерпело существенные изменения в обозначенном районе. Здесь во второй половине XV в. была фактически искусственно создана этноконфессиональная общность касимовских татар, которые оказались на территории Мещеры. Московские князья, укреплявшие позиции княжества, устраняли своих соперников, не только проводя победоносные сражения, но и принимая стратегически верные политические решения. К числу наиболее преданных сторонников великого князя московского Василия II (Темного) принадлежал сын Казанского правителя Улу-Мухаммеда царевич Касим, которому за верную службу был выделен в пожизненное владение Городок Мещерский на Оке, названный позднее Касимовым. Официально Касимовское царство было образовано в 1452 г.[2]

Татары поселились на территории, где уже веками проживали местные финно-угорские народности. Интересно мнение ученых относительно протекавших там этноконфессиональных процессах. Известный академик В.В. Вельяминов-Зернов видел в касимовских татарах «тюркизированных финнов»[3]. Его гипотеза была поддержана в 1920-е гг. этнографом В.А. Гордлевским, который полагал, что «низы были финны, а верхи – татары», то есть касимовцы – это финны, принявшие язык, а впоследствии и религию господствующего класса (служилых татар). Он отмечал: «Татары поглотили финнов, которые исчезли здесь как народ, но память о них жива в культуре»[4]. По образному выражению исследователя В.В. Акимова, касимовские татары – это «своеобразный тюрко-угро-финский Вавилон, весьма немногочисленный, но стабильный и имеющий свое неповторимое историческое лицо»[5].

С образованием царства мусульманская вера в Касимове стала иметь первостепенное значение, а татары, пользовавшиеся большим почетом при московском дворе, получили целый ряд привилегий. Они верой и правдой служили Российскому государству на протяжении двух столетий, но во время польско-литовской интервенции касимовский царь Ураз-Мухам-

---

[1] См.: Жития святых и подвижников благочестия града Мурома. – Муром, 1999. – С. 34.

[2] См. : *Гумилев, Л.Н.* От Руси к России. – М., 2008. – С. 249; *Протоиерей Правдолюбов В.С.* Религиозная история Касимова. – 3-е изд. – Касимов, 2004. – С. 12–13.

[3] См.: *Вельяминов-Зернов, В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. – М., 1866. – С. 8.

[4] См.: *Гордлевский, В.А.* Элементы культуры касимовских татар. – Рязань, 1927. – С. 212.

[5] См.: *Акимов, В.В.* Касимовские татары. – М., 2004. – С. 22.

мед во главе с войском принял сторону Лжедмитрия II. В 1609 г. войска Василия Шуйского штурмом взяли Касимов, полностью его сожгли и разорили, жителей перебили, причем пострадало и русское население. Ханская власть стала номинальной, управление перешло к московским воеводам. В 1681 г. Касимовское царство перестало существовать[1].

Таким образом, к началу XVII в. на данной территории проживали две этноконфессиональные общности: русские православные и татары мусульмане. Во второй половине XVII в. конфессиональная ситуация здесь осложнилась появлением раскольников. Это время стало рубежом в истории России, все православное население фактически было разделено на тех, кто принял «церковные нововведения» патриарха Никона, и тех, кто отверг их и получил название «ревнителей древнего благочестия»[2], или старообрядцев.

На церковном соборе Русской православной церкви 1666–1667 гг. старообрядчество было предано анафеме. Власть стала преследовать старообрядцев, неистовых заключали в тюрьму, подвергали пыткам и казням, вплоть до сожжения, рядовых отправляли в ссылку.

Одним из центров расселения старообрядцев в центральной части России стала Ярополческая волость (город Ярополч – современный город Вязники Владимирской области). Это были дворцовые земли, принадлежавшие царю Алексею Михайловичу. Именно здесь, в заклязьменских лесах, на берегу озер Санкор, Кщара и Юхор, в середине 1650-х гг. стали селиться «беглые люди»[3].

К концу XVII столетия влияние старообрядческой общины на местное население стало ощутимым. Власть стремилась этого не допустить и решила переселить часть раскольников в лесные места Муромского уезда[4].

Расселены старообрядцы были компактно по течению реки Унжи и с 1677 г. там появляется дворцовая Унженская волость, которая до конца XVII в. в документах называлась «новопоселебной», т. е. переселенной. Тогда же возникают старообрядческие поселения, вошедшие при образовании Меленковского уезда в его состав: Веретьево (на территории нынешнего города Меленки), Лехтово, Войново, Крутцы, Осинки, Кудрино, Илькино, Иватино, Коровино, Двойново, Тимошино, Каменка, Пьянгус, Злобино, Яслево, Красново, Лужи[5]. Местное население было сосредоточено у берегов реки Оки,

---

[1] См.: *Акимов, В.В.* Кентавры Востока. – Касимов, 2006. – С. 94–101.

[2] См.: *Перевезенцев, С.* Старообрядчество. История и современность // Виноград. – 2006. – №1 (13). – С. 75.

[3] См.: *Обидин, Д.* Инквизиция в Вязниках // Маяк. – 1999. – 14 янв. – С. 2.

[4] См.: *Шатохин, А.И.* Деревянная церковь из села Красново // Коммунар. – 2002. – 11 сент. – С. 3; *Васищев, Ю.* Из хроники вязниковского старообрядчества // Владимирский край. – 2002. – 19–25 дек. – С. 3.

[5] ГАВО. – Ф. 417. – Оп. 4. – Д. 19.

а поселенцы заняли неосвоенные места. Они свободно проповедовали «старую веру». Особую поддержку здешним старообрядцам оказал расстриженный Муромский протопоп Логин, за которого жители Мурома ходатайствовали перед Рязанским владыкой как за охранителя «апостольских и отеческих преданий». У старообрядцев-переселенцев появились последователи на Муромской и Рязанской земле[1]. Их ряды пополнялись, заняв свое особое место на конфессиональном поле рассматриваемой территории.

Старообрядчество никогда не было единым движением. Уже в конце XVII в. оно разделилось на два основных направления – поповщину и беспоповщину. Со временем и они разбились на различные толки, которые, в свою очередь, раздробились на многочисленные согласия. В 1760–1770 гг. из среды старообрядцев беспоповцев выделилась евангельская секта мистического характера «духовных христиан» – молокан, получившая в 90-е гг. XVIII в. особое распространение на территории Меленковского уезда Владимирской губернии[2].

Таким образом, к концу XVIII в. на территории уездов Касимовского Рязанской и Меленковского Владимирской губерний сформировалась сложная этническая и конфессиональная структура населения. Здесь совместно проживали русские православные, касимовские татары мусульмане и русские раскольники. Раскольники сознательно выделены в отдельную этноконфессиональную общность вследствие их принадлежности к радикальному направлению.

Большую роль в формировании этноконфессионального района сыграла природно-географическая среда. Рассматривая природу Касимовского уезда Рязанской губернии и Меленковского Владимирской в эволюционном плане, необходимо отметить, что общей характеризующей ее чертой является равнинность, где абсолютные отметки местности варьировались от 120 до 140 м. Геологические исследования в XIX в. профессора Н.М. Сибирцева каменноугольных отложений Окско-Клязьменского бассейна показали, что возвышенная равнина, составлявшая рельеф Меленковского уезда, была продолжением касимовской известковой гряды. Иначе говоря, территория уездов составляла единое целое, несмотря на появившиеся в конце XVIII в. административные границы.

Значительная часть площади уездов как и прежде оставалась необитаемой из-за важных естественных препятствий. Леса занимали 50,2%

---

[1] См.: Календарь Рязанской губернии на 1905 г. – Рязань, 1905. – С. 369.

[2] См.: Владимирские епархиальные ведомости. – 1890. – № 23. – С. 793; Материалы для оценки земель Владимирской губернии. – Т. III. Меленковский уезд. – Вып. I. – Ч.1. – Владимир, 1903. – С. 14 – 16.

Касимовского уезда Рязанской губернии и 83% Меленковского уезда Владимирской губернии[1]. Для проживавших людей «неудобной» считалась и болотистая местность. Природа диктовала определенные условия для расселения людей на данной территории. Большие пространства, занятые лесами, болотами и малоплодородными почвами, вынуждали местное население группироваться на незначительных открытых плодородных площадях, жить тесно, кучно.

Район междуречья Оки и Клязьмы характеризует богатство водами двух больших и десятка малых рек. Они выполняли особую геополитическую функцию, играли важную роль в торговом обмене, в сообщении между людьми, проживавшими по их берегам, давали средства к существованию.

Такое природно-географическое положение в совокупности с рассмотренными историческими условиями свидетельствует о том, что в междуречье Оки и Клязьмы сформировалась уникальная территория, на которой в течение тысячелетий шли бурные межэтнические и межконфессиональные процессы.

Список литературы

Гумилев, Л.Н. От Руси к России. – М., 2008.

История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001.

Никольский, Н.М. История русской церкви. – М.,1983.

Полубояринова, М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М., 1993.

Пресняков, А.Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. – Петроград, 1918.

© Федотова М.Я., 2010

[1] См.: Материалы для географии статистики, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 19. Рязанская губерния / сост. М. Баранович. – СПб., 1860. – С. 174; Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. – Изд. Владимирской ученой архивной комиссии / под ред. Г.А. Ряжского. – Владимир, 1906. – С. 106.